© Коллектив авторов, 2025
doi.org/10.32878/suiciderus.25-16-02(59)-23-39

УДК 616.98-008 (340.63)

ДОВЕДЕНИЕ ДО САМОУБИЙСТВА: ОСОБЕННОСТИ ПСИХОТРАВМИРУЮЩЕГО ВОЗДЕЙСТВИЯ, ФОРМИРОВАНИЕ И РЕАЛИЗАЦИЯ СУИЦИДАЛЬНОГО НАМЕРЕНИЯ

М.С. Матейкович[1,2], Е.А. Матейкович[3,4,5], С.П. Сахаров[3,6], В.А. Полякова[3], А.М. Сульдин[3], Е.А. Шумейко[3], М.Ф. Каурова[3]

[1]Второй кассационный суд общей юрисдикции, г. Москва, Россия
[2]ФГБОУ ВО «Тюменский государственный университет» МЗ РФ, г. Тюмень, Россия
[3]ФГБОУ ВО «Тюменский государственный медицинский университет» МЗ РФ, г. Тюмень, Россия
[4]ГБУЗ ТО «Родильный дом № 3», г. Тюмень, Россия
[5]ГБУЗ ТО «Перинатальный центр», г. Тюмень, Россия
[6]ГБУЗ ТО «Областная клиническая больница №1», г. Тюмень, Россия

DRIVE TO SUICIDE: FEATURES OF PSYCHOTRAUMATIC IMPACT, FORMATION AND REALIZATION OF SUICIDAL INTENTION

M.S. Mateykovich[1,2], E.A. Mateykovich[3,4,5], S.P. Sakharov[3,6], V.A. Polyakova[3], A.M. Suldin[3], E.A. Shumeiko[3], M.F. Kaurova[3]

[1]The Second Cassation Court of General Jurisdiction, Moscow, Russia
[2]Tyumen State University, Tyumen, Russia
[3]Tyumen State Medical University
[4]Maternity Hospital No. 3, Tyumen, Russia
[5]Perinatal Center, Tyumen, Russia
[6]Regional Clinical Hospital № 1, Tyumen, Russia

Сведениям об авторах:

Матейкович Максим Станиславович – доктор юридических наук, профессор (SPIN-код: 3945-2253, ORCID iD: 0000-0003-3113-3191). Место работы и должность: заместитель председателя Второго кассационного суда общей юрисдикции. Адрес: Россия, 121357, г. Москва, ул. Верейская, 29, стр. 34; заведующий базовой кафедрой правосудия, профессор кафедры теоретических и публично-правовых дисциплин, ФГАОУ ВО «Тюменский государственный университет». Адрес: Россия, 625003, г. Тюмень, ул. Семакова, 10. Электронный адрес: mat-maxim@yandex.ru

Матейкович Елена Александровна – кандидат медицинских наук, доцент (SPIN-код: 5864-8031; ORCID iD: 0000-0002-2612-7339). Место работы и должность: директор Института материнства и детства ФГБОУ ВО «Тюменский государственный медицинский университет» Минздрава России. Адрес: Россия, 625023, г. Тюмень, ул. Одесская, 54; врач акушер-гинеколог ГБУЗ ТО «Родильный дом № 3». Адрес: Россия, г. Тюмень, ул. Баумана, 31; ГБУЗ ТО «Перинатальный центр». Адрес: Россия, 625002, г. Тюмень, ул. Даудельная, 1/8. Электронный адрес: mateykovichea@tyumsmu.ru

Сахаров Сергей Павлович – кандидат медицинских наук, доцент (SPIN-код: 9850-0460; ORCID iD: 0000-0003-1737-3906). Место работы и должность: заведующий кафедрой мобилизационной подготовки здравоохранения и медицины катастроф ФГБОУ ВО «Тюменский государственный медицинский университет» Минздрава России. Адрес: Россия, 625023, г. Тюмень, ул. Одесская, 54; врач-хирург ожогового отделения ГБУЗ ТО «Областная клиническая больница №1». Адрес: Россия, 625023, г. Тюмень, ул. Котовского, 55. Телефон: + 7 (3452) 28-76-10, электронный адрес: sacharov09@mail.ru

Полякова Валентина Анатольевна – доктор медицинских наук, профессор (SPIN-код: 2611-1120; ORCID iD: 0000-0001-7008-1107). Место работы и должность: заведующая кафедрой акушерства и гинекологии ФГБОУ ВО «Тюменский государственный медицинский университет» Минздрава России, Адрес: Россия, 625023, г. Тюмень, ул. Одесская, 54. Телефон: +7 (3452) 69-07-58, электронный адрес: polycova_gyn@mail.ru

Сульдин Александр Михайлович – доктор медицинских наук (ORCID iD: 0000-0001-9325-5173). Место работы и должность: профессор кафедры организации здравоохранения ФГБОУ ВО «Тюменский государственный медицинский университет» Минздрава России. Адрес: Россия, 625023, г. Тюмень, ул. Одесская, 54. Электронный адрес: souldine@mail.ru

Шумейко Елена Александровна – кандидат медицинских (SPIN-код: 8299-5186; ORCID iD: 0009-0002-3338-2220). Место работы и должность: ассистент кафедры мобилизационной подготовки здравоохранения и медицины катастроф ФГБОУ ВО «Тюменский государственный медицинский университет» Минздрава России. Адрес: Россия, 625023, г. Тюмень, ул. Одесская, 54. Электронный адрес: shumeiko@tyumsmu.ru

Каурова Марина Феликсовна (ORCID iD: 0009-0003-0164-9725). Место работы и должность: ассистент кафедры мобилизационной подготовки здравоохранения и медицины катастроф ФГБОУ ВО «Тюменский государственный медицинский университет» Минздрава России. Адрес: Россия, 625023, г. Тюмень, ул. Одесская, 54. Электронный адрес: kaurova@tyumsmu.ru

Умышленное лишение себя жизни, или суицид – действие, осуждаемое моралью и явно не поощряемое государством и обществом. Причины самоубийств различны, однако все мировые религии однозначно осуждают суицид, считая, что никакие мотивы не могут оправдать этот глубоко аморальный богопротивный поступок. При этом лица, которые оказали психическое и физическое принуждение к суициду, иначе говоря, довели до самоубийства, осуждаются не только моралью, но и несут уголовную ответственность как совершившие преступление против жизни. В России доведение до самоубийства криминализовано с 1845 года, оставалось таковым почти весь советский период. Причины суицида различны. К детерминантам суицидального поведения относят биологические (генные), клинические (психические заболевания) и личностно-психологические (низкая стрессоустойчивость, максимализм, импульсивность и др.) факторы. Роль внешнего фактора изучена мало. В статье проведён анализ наиболее типичных случаев, которые легли в основу уголовных дел о доведении до самоубийства, а впоследствии – судебных приговоров. *Цель исследования* – изучить суицидальные особенности потерпевших от преступлений, предусмотренных ст. 110 УК РФ «Доведение до самоубийства». *Материалы и методы*: в ходе исследования изучены 15 судебных решений, размещённых в открытых официальных источниках (Государственная автоматизированная система «Правосудие»), которые позволяют проанализировать на основе изложенных в них экспертных заключениях психическое состояние потерпевшего, данные о его личности, особенности психотравмирующего, физического воздействия, квалифицированного как доведение до самоубийства. Решения отобраны путём случайной выборки. Сбор анамнеза потерпевшего проводился на основе приведённых сведений из заключения экспертов, проводивших судебную психолого-психиатрическую экспертизу. Статистическую обработку материала о состоянии судимости по ст. 110 УК Российской Федерации проводили с помощью программы SPSS. *Результаты и обсуждение*. По данным Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации, приговоры за доведение до самоубийства в целом по стране носят единичный характер и значительно уступают по своему количеству другим преступлениям против жизни и здоровья. Основные случаи доведения до самоубийства связаны с домашним насилием, совершаемым в отношении заведомо более слабого субъекта: женщины, ребёнка, пожилого человека. Кроме того, имеет место суицидальное поведение потерпевших от корыстных преступлений (вымогательство, мошенничество), подчинённых по службе вследствие унижающих человеческое достоинство действий руководства. Психотравмирующая ситуация в семье, на работе (службе) носит длительный, системный характер. Суицидальное поведение в этой ситуации рассматривается потерпевшим как единственный способ её разрешения и прекращения страданий. Оно также имеет целью привлечение внимания к действиям лица, виновного в страдании потерпевшего, иногда – возмездия за причиненные страдания. У жертв корыстных преступлений стрессовая ситуация, напротив, возникает спонтанно. *Выводы*. Длительное либо краткосрочное, но крайне интенсивное психотравмирующее воздействие – основной триггер суицидального решения, принятого вследствие преступного доведения до самоубийства. В целом детальному изучению патогенеза суицидального поведения, обусловленного насилием, жестоким обращением, препятствует латентный (скрытный) характер таких действий, позволяющий лицам, виновным в доведении до самоубийства, избежать уголовной ответственности, несмотря на тяжёлые последствия содеянного.

Ключевые слова: суицид, доведение до самоубийства, психотравмирующее воздействие, насилие, унижение человеческого достоинства, психическое расстройство

Умышленное лишение себя жизни, или суицид (от лат. suicid; sui – себя, caedere – убивать) – действие, осуждаемое моралью и явно не поощряемое государством и обществом. Самый известный Библейский самоубийца – Иуда, чей жизненный путь завершился гнусным предательством, отчаянием и самоповешением (Мф 27:5).

По данным ВОЗ до сих пор в 25 странах (из 192) предусмотрена уголовная ответственность (от штрафа до пожизненного заключения) за попытку самоубийства [1].

Причины самоубийств различны [2], однако все мировые религии однозначно осуждают суицид, считая, что никакие мотивы (в том числе внешнее воздействие в виде унижения человеческого достоинства, жестокого обращения и т.д.) не могут оправдать этот глубоко аморальный богопротивный поступок. При этом лица, которые оказали психическое и физическое принуждение к суициду, иначе говоря, довели до самоубийства, осуждаются не только моралью, но и несут уголовную ответственность как совершившие преступление против жизни. Считается, что в России доведение до самоубийства криминализовано с 1845 года, оставалось таковым почти весь советский период [3] и не перестало преследоваться в уголовном порядке в настоящее время (ст. 110 Уголовного кодекса Российской Федерации, далее – УК РФ). В юридической литературе однозначно указывается на высокую общественную опасность, бесчеловечность, низменность, коварство, крайнюю аморальность этого преступления [4].

По данным ВОЗ, во всём мире ежегодно самоубийства прерывают более 720 тыс. человеческих жизней. Это третья по значимости

причина смерти молодых людей (в возрасте от 15 до 29 лет) [5]. Последний из опубликованных ВОЗ индикаторов свидетельствует, что в 2019 году в России смертность от самоубийств находилась на одном из самых высоких мест в мире (25,1 случаев на 100 тыс. населения), при этом в 2000 году данный показатель составлял 53,8, то есть почти за 20 лет произошло более чем двукратное снижение [6]. Оценка ВОЗ существенно расходится с официальными данными Росстата, согласно которым смертность от самоубийств в 2019 году составила в Российской Федерации 11,6 на 100000 человек населения, в 2020 году – 11,3, в 2021 году – 10,7, в 2022 году – 9,2 [7].

В любом случае статистика самоубийств показывает их высокую долю в структуре смертности, многократно превышающую смертность от убийств, превосходящую смертность от дорожно-транспортных происшествий [8]. Суициды крайне негативно влияют на демографическую ситуацию, что обусловливает необходимость принятия мер по снижению их числа, в том числе путём воздействия на причины суицидального поведения [9]. Подсчитано, что самоубийства увеличивают разрыв между смертностью и рождаемостью примерно на 15% [10]. Особенно высока доля суицида в структуре смертности молодёжи, где самоубийства занимают второе место среди причин смерти лиц в возрасте от 15 до 29 лет. Наблюдается тенденция роста числа самоубийств у подростков в возрасте от 15 до 19 лет [11]. В географическом разрезе среди российских территорий лидерами по числу самоубийств являются Сибирь и Дальний Восток [10]. Смертность от самоубийств в сельской местности два раза превышает показатели городской популяции. В зоне высокого суицидального риска находятся коренные малочисленные народы Севера, в том числе Тюменской области, – ненцы, селькупы [12].

К детерминантам суицидального поведения относят биологические (генная мутация) [13], клинические (психические заболевания) и личностно-психологические (низкая стрессоустойчивость, максимализм, импульсивность и др.) факторы [14]. Роль внешнего фактора – инициирующего субъекта, использующего угрозы, проявляющего жестокость, систематически унижающего человеческое достоинство для склонения к самоубийству, – изучена мало. Считается, что злоумышленник воздействует на психику человека [15], однако одни и те же действия, толкающие к суициду, вызывают разную реакцию: кто-то остаётся устойчив к ним, кто-то принимает трагическое решение. Поэтому жертвы таких действий, видимо, имеют предрасположенность к суициду личностно-психологического или клинического генеза [16].

Интернет, социальные сети, освещающие суицид в благоприятном виде, облегчающие буллинг потенциальных самоубийц, маскируют, анонимизируют действия злоумышленников [17, 18]. Чрезмерная вовлеченность в Интернет-общение, особенно в подростковом возрасте, повышает психологическую уязвимость жертв травли, шантажа, посягательств на половую свободу и половую неприкосновенность и часто выступает триггером трагических клинических и психологических реакций на деструктивные действия, совершённые в цифровой среде [19].

Настоящая работа не претендует на универсальность и всеохватность изучения корреляции между действиями, квалифицированными российским правоприменителем как доведение до самоубийства, и клиническими, психологическими особенностями их жертв. Для полномасштабного клинического исследования недостаточно контингента, для написания обзора – полноценной базы публикаций. Мы проанализируем наиболее типичные случаи, которые легли в основу уголовных дел, а впоследствии – судебных приговоров.

Цель исследования – изучить суицидальные особенности потерпевших от преступлений, предусмотренных ст. 110 УК РФ «Доведение до самоубийства».

Материалы и методы

В ходе исследования изучены 15 судебных решений, размещённых в открытых официальных источниках (Государственная автоматизированная система «Правосудие»), которые позволяют проанализировать на основе изложенных в них экспертных заключениях психическое состояние потерпевшего, данные о его личности, особенности психотравмирующего, физического воздействия, квалифицированного как доведение до самоубийства.

Решения отобраны путём случайной выборки. Путём логического анализа из описания преступного деяния устанавливалось событие, в ходе которого осуществлялось принуждение к самоубийству. Сбор анамнеза потерпевшего проводился на основе приведённых сведений из заключения экспертов, проводивших судебную психолого-психиатрическую экспертизу. Случаи сравнивались между собой. После сравне-

ния проводилась их систематизация по критерию характера психотравмирующего воздействия на жертву преступления. Построение системы позволило провести сравнение с данными литературных источников, провести обсуждение, сформулировать выводы.

Статистическую обработку материала о состоянии судимости по ст. 110 УК Российской Федерации проводили с помощью программы SPSS на основе сведений, размещенных на официальном сайте Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации в сети Интернет.

Результаты

По данным Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации, приговоры за доведение до самоубийства или до покушения на самоубийство путем угроз, жестокого обращения или систематического унижения человеческого достоинства потерпевшего (ст. 110 УК РФ) в целом по стране носят единичный характер и значительно уступают по своему количеству другим преступлениям против жизни и здоровья. Как видим, после значительного снижения частоты этого преступления в 2020 году, в котором широко применялись ограничения, связанные с пандемией COVID-19, в том числе в работе судов, с 2021 года отмечен рост, а в 2024 г. зафиксировано количество судимостей, сопоставимое с рекордом 2019 года. На высоком уровне остаётся частота судимости за доведение до самоубийства или покушения на самоубийство при отягчающих обстоятельствах (в отношении несовершеннолетнего, беспомощного лица, беременной, двух и более лиц и т.д. – часть 2 статьи 110 УК РФ), по сравнению с 2018 годом число осуждённых выросло в 7,5 раза. Ниже приводятся наиболее типичные случаи с точки зрения мотивов, картины преступления, социальной и психолого-клинической характеристики потерпевших.

Самоубийство вследствие вымогательства

Потерпевший – мужчина – стал жертвой вымогательства. Осуждённые под выдуманным предлогом, который часто встречается в криминальной среде (распространение жертвой вымогательства сведений об общем знакомом как о потребителе или распространителе наркотиков, как о лице с нетрадиционной сексуальной ориентацией, как о мошеннике, не возвращающем долг, и т.п.), требовали от потерпевшего передать им 160000 рублей, угрожая расправой, подкрепленной избиением на месте преступления. Получив требуемую сумму, преступники стали высказывать потерпевшему по телефону претензии по поводу того, что факт вымогательства стал известен посторонним лицам, требовали под угрозой физической расправы прибыть в указанное место. Угроза была воспринята потерпевшим реально. Считая своё положение безысходным, он решил покончить жизнь самоубийством, был обнаружен в лесополосе в повешенном состоянии на буксировочном тросе.

Ощущение безысходности у потерпевшего создавали действия вымогателей: получив в результате своего преступного требования 60000 рублей, они потребовали ещё 100000 рублей, пообещав, что после этого все «претензии» будут сняты. После передачи первой суммы, которой оказалось недостаточно, с большим трудом собрав новую «компенсацию», потерпевший был напуган, эмоционально подавлен, надеялся, что теперь ситуация разрешится и его перестанут преследовать. Вместо обращения в полицию, родственники потерпевшего связались с посторонним лицом, обещавшим прекратить вымогательство.

Таблица 1

Статистика судимости по ст. 110 УК РФ (2018-2024 гг.)

Год	2018	2019	2020	2021	2022	2023	2024
Часть 1	17	16	8	10	10	13	4
Часть 2	2	11	2	6	6	11	15
Всего:	19	27	10	16	16	24	19

Примечание: Часть 1 статьи предусматривает наказание за доведение лица до самоубийства или до покушения на самоубийство путём угроз, жестокого обращения или систематического унижения человеческого достоинства. Часть 2 статьи устанавливает наказание за то же деяние, совершённое при определённых обстоятельствах: в отношении несовершеннолетнего или лица, заведомо для виновного находящегося в беспомощном состоянии либо в материальной или иной зависимости от виновного; в отношении женщины, заведомо для виновного находящейся в состоянии беременности; в отношении двух или более лиц; группой лиц по предварительному сговору или организованной группой; в публичном выступлении, публично демонстрирующемся произведении, средствах массовой информации или информационно-телекоммуникационных сетях (включая сеть «Интернет».

Это стало предлогом для нового сопровождаемого угрозами требования к потерпевшему передать ещё 100000 рублей. Люди, общавшиеся с мужчиной незадолго до его смерти, наблюдали у него замкнутость, страх, панику, раздражительность, проблемы со сном, желание переехать в другой город, хотя до вымогательства он был общительным, весёлым, обеспеченным человеком, не конфликтовал с женой, не курил и не употреблял наркотики, не злоупотреблял алкоголем, строил планы на будущее. Ни знакомые, ни родственники не наблюдали у потерпевшего психических расстройств. При судебно-химической экспертизе в крови трупа обнаружен этиловый спирт в концентрации 2,85‰, по заключению эксперта, такое алкогольное опьянение у живого человека характеризуется как сильное.

Комиссия экспертов, проводивших судебную психолого-психиатрическую экспертизу на основе копий из материалов дела, пришла к выводу о том, что до совершения вымогательства у потерпевшего не было признаков психического расстройства. Действия вымогателей, применявших физическое насилие, он воспринял как реальную угрозу жизни, безопасности, здоровью. Вследствие повторных психотравмирующих стрессовых воздействий у потерпевшего развилось психическое расстройство в форме смешанной тревожной и депрессивной реакции, обусловленной расстройством адаптации (по МКБ 10 – F43.22). Исключительные психотравмирующие воздействия обусловили у мужчины нехарактерное для него психическое состояние, сопровождавшееся симптомами тревоги и депрессии, которые колебались по мере субъективного ощущения, что угроза миновала, и в ещё большей степени усиливались по мере возобновления отмеченных повторных психотравмирующих факторов, всё более исчерпывая адаптационные возможности организма. Прогрессивно нараставшие чувство тревоги, «паника», снижение чувства уверенности в себе, ощущение безысходности своего положения, мрачное и пессимистичное видение будущего, нарушения сна и аппетита, снижение энергетического потенциала в совокупности могли способствовать принятию решения о суициде. Выявленное у потерпевшего алкогольное опьянение, по мнению одного из экспертов, допрошенного в судебном заседании, на ситуацию не повлияло.

Семейное насилие – путь к суициду

Потерпевшая стала жертвой систематических побоев, иных насильственных действий от сожителя на почве ревности, личных неприязненных отношений и ненависти. Описание причинённого женщине истязания насчитывает 17 эпизодов жестоких избиений: удары ногами, руками по спине, ногам, в голову – руками, обутыми ногами, палкой, стеклянной бутылкой, монтировкой, деревянной битой, металлической палкой, мобильным телефоном, ножом. Истязатель совершал свои действия в присутствии малолетних детей, заставлял мать прощаться с ними, игнорировал беременность потерпевшей. Вследствие накопления отрицательных переживаний и эмоций, обусловленных страхом физической расправы и избиения, пребывая в состоянии безысходности, женщина дважды пыталась совершить самоубийство, написала предсмертную записку. Первый раз привязанная к люстре веревка оборвалась под весом её тела. Второй раз из петли её вытащил сожитель, после чего продолжил истязание.

Комиссия экспертов, проводивших комплексную психолого-психиатрическую экспертизу, установила у потерпевшей среднюю стадию психического расстройства в форме синдрома зависимости от алкоголя и обусловленное употреблением алкоголя расстройство личности. Последнее имело место в период противоправных действий сожителя, однако оно не сопровождалось помрачнением сознания, галлюцинаторно-бредовой симптоматикой, выраженными эмоционально-волевыми нарушениями. Индивидуально-психологические особенности женщины: притязание к собственной личности высокие, эгоцентричная неустойчивость, тревожность, личностная пассивность, повышенная эмоциональность, впечатлительность.

Перед самоповешением у потерпевшей обнаруживались определённая недостаточность адаптационных возможностей, тревожность и страх, обусловленные негативными переживаниями из-за действий истязателя. На этом фоне женщина стала пессимистично оценивать перспективы и проекции будущего, её личная пассивность усугубилась, а ведомое поведение, наоборот, активировалось и требование сожителя удавиться воспринималось как единственный вариант выхода из сложившейся субъективно трудноразрешимой ситуации.

В отличие от своей жертвы преступник никаким психическим расстройством не страдал, у него отсутствовал синдром зависимости от алкоголя и психоактивных веществ. Он прекрасно осознавал фактический характер и общественную опасность своих действий, мог руководить ими. При этом у него выявлены индивидуально-психологические особенности: стремление к самоутверждению, самовзвинченность, конфликтность, импульсивность, своеволие, склонность к протестному поведению, черты эгоцентризма.

Аналогичные отношения между мужем и женой привели к суициду со стороны другой женщины. Осужденный на протяжении многих лет систематически наносил потерпевшей удары руками, ногами, различными предметами по голове, причинял физическую боль и телесные повреждения, оскорблял и угрожал, в том числе в присутствии близких. Искусственно создавая психотравмирующую ситуацию, мужчина предлагал разрешить её путём самоубийства жены. Трагическая для женщины ситуация, обусловленная потерей беременности на сроке 18 недель 6 дней в результате заболевания, была использована осужденным для усиления тяжести психотравмирующего воздействия: он высказывал оскорбления, обвинял потерпевшую в неспособности выносить и родить ребёнка, возлагал на нее вину в потере плода, открыто демонстрировал наличие отношений с другой женщиной и предложил единственный выход из сложившейся жизненной ситуации – совершение суицида, после чего покинул квартиру. В результате длительных физических и моральных страданий потерпевшая покончила жизнь самоубийством через повешение.

Посмертная комплексная психолого-психиатрическая экспертиза выявила, что личностно-семейный стресс стал реализующим фактором (детерминантами 3 ранга) перехода суицидального процесса на завершающую стадию. Развившаяся депрессия блокировала защитные факторы: поддержку близких, участие в жизни общества, конструктивный досуг, попытку получить медицинскую помощь в сфере охраны психического здоровья. Усугубляющими для фрустрации факторами явились физическое превосходство и эмоциональное насилие, противодействие которым (включая развод) не принесло результатов. Суицидальный процесс развивался постепенно: на первой стадии суицидогенеза возникли пассивные суицидальные мысли; на второй стадии суицидальные замыслы активно поддерживались провоцирующими призывами осужденного («что-то не нравится – иди и повесься»), на третьей стадии к замыслам присоединился волевой компонент – крайняя эмоциональная напряжённость привела к частичному сужению сознания, аффективно возникла мотивация ликвидировать личностно непереносимую ситуацию. Произошла фиксация сознания исключительно на прекращении психотравмирующей обстановки с ограничением представлений о других способах разрешения ситуации. Так произошло принятие решения о суициде.

В момент, предшествующий смерти, подэкспертная обнаруживала расстройство адаптации в виде пролонгированной депрессивной реакции (симптомы замкнутости, пониженного настроения, ранимости, страха, тревоги, неуверенности в себе, снижения интереса к работе, пониженной самооценки, концентрацией внимания вокруг психотравмирующей ситуации), завершившейся суицидом (самоповешением) F43.2, к которому привела почти пятилетняя психотравмирующая ситуация.

Психологом выявлены следующие индивидуально-психологические особенности потерпевшей: скрытность, замкнутость, целеустремленность, склонность глубокого переживания неудач. Социальные установки были незрелыми, представления об окружающих были инфантильными, идеализированными. Повышенные социальные ожидания сочетались с честностью, принципиальностью, доверчивостью, повышенной требовательностью к себе, трудолюбием, добросовестностью, отзывчивостью, высоким чувством ответственности. У потерпевшей обнаруживалось сильное желание стать матерью. Действиями мужа все идеализированные преставления об окружающей действительности оказались разрушенными, цель в жизни была потеряна, наступило разочарование. Постоянное психотравмирующее воздействие препятствовало преодолению психологического кризиса, поиску конструктивных путей выхода из него.

Судебно-химическое исследование крови трупа потерпевшей показало наличие этилового спирта в концентрации 2,8‰.

У осужденного каких-либо заболеваний психики не выявлено.

Иные изученные случаи суицидального поведения на фоне длительной психотравмирующей внутрисемейной ситуации демонстрировали в целом аналогичную картину развития событий и схожее психоэмоциональное состояние потерпевших (исключительно женщин).

Жестокое обращение с несовершеннолетними привело к трагедии

Двое несовершеннолетних подвергались жестокому обращению со стороны отца и мачехи. Взрослые запрещали девочкам видеться с родной матерью, близкими подругами, дети терпели постоянные ругательства и критику, насилие и угрозы, унижения человеческого достоинства, были обделены вниманием по сравнению с другими (родными для обоих взрослых) детьми. Из-за скудного питания (один раз в день) у девочек был диагностирован дефицит массы тела. Под воздействием угроз со стороны взрослых одна из несовершеннолетних решила прекратить физические и страдания, покончив жизнь самоубийством. Взяв с собой малолетнюю сестру, она проникла в заброшенный сарай, где накинула петлю на себя и на сестру. Малолетняя сестра, не желая умирать, сняла с себя петлю, а старшая девочка в итоге покончила жизнь самоубийством путём повешения.

По заключению судебной посмертной психолого-психиатрической экспертизы, потерпевшая не страдала психическим расстройством ни при жизни, ни в период, предшествующий суициду. На её поведении отразились индивидуально-психологические особенности: доброта, бесконфликтность, исполнительность, общительность, уравновешенность, отзывчивость, несклонность к протесту), однако существенного влияния эти черты характера на суицидальное решение не оказали. Непосредственно перед суицидом психологическое состояние потерпевшей оценивалось как кризисное. Длительная психотравмирующая ситуация, отсутствие помощи со стороны взрослых, отверженность, сочетание излишней требовательности с отсутствием заботы обусловили чувство безысходности, отчаяние, исчерпание компенсаторных ресурсов, что реализовалось в аутоагрессивных суицидальных действиях по типу аффективного суицида. Эксперты указали на глубину и тяжесть переживаний несовершеннолетней, о чём свидетельствовала тактика «расширенного суицида», обусловленного желанием оградить от страданий не только себя, но и младшую сестру как самого близкого человека.

Доведение матерью до самоубийства собственного ребенка

Как установил суд, неприязнь матери к несовершеннолетней дочери длилась 10 лет: всё это время ребёнок терпел жестокое обращение, угрозы, унижение человеческого достоинства. В этот период мать под предлогом плохого выполнения работы по дому оскорбляла дочь, в том числе нецензурной бранью, била по голове, высказывала пожелания смерти, обещала выгнать из дома и при этом, действительно, выгоняла на улицу, на холод, обещала отправить в детский дом. Её не останавливало присутствие другого несовершеннолетнего ребёнка, воспитателя лицея. В один из дней женщина выгнала дочь на улицу ночевать в сарае, где та была вынуждена спать на досках, постеленных на землю. В результате этих преступных действий несовершеннолетняя покончила жизнь самоубийством путём повешения с помощью полиэтиленового шпагата.

Комиссия экспертов пришла к выводу, что суицид носил аффективный характер. Об этом свидетельствуют острота и напряжённость внутренних эмоциональных переживаний (кумуляция, накопление), охваченность ими. Решение принято импульсивно, поэтому никто не заметил предвестников будущего самоубийства, не были обнаружены суицидальные записи. Самопожертвование было мотивом самоубийства, направленного на решение внутрисемейных проблем, на формирование посмертного сочувствия к себе, на привлечение внимания к поведению матери. Несмотря на то, что девочка при жизни не страдала слабоумием, хроническим психическим расстройством, иным болезненным состоянием психики, однако на её эмоциональное состояние оказали влияние длительное нахождение в социально неблагоприятной обстановке, негативное воздействие со стороны матери. Признаки психоэмоционального неблагополучия у неё проявились в виде состояния острой фрустрации (разочарованности в жизни, безвыходности), что привело к аутоагрессивному (аутодеструктивному) поведению и реализации его крайней формы – суицида.

Мать несовершеннолетней, виновная в реализации суицидального намерения дочери, никаким психическим расстройством не стра-

дала, отдавала полный отчёт своим действиям и контролировала их.

Доведение до попытки самоубийства пожилой женщины

Осужденный испытывал личную неприязнь к своей матери, систематически бил её по голове и лицу, таскал за волосы, сопровождая это оскорблениями, нецензурной бранью, угрозами отрубить голову и выдавить глаза. Мотивом его действий суд признал чувство мести за привлечение к уголовной ответственности за ранее совершённые преступления. Ситуация усугублялась беспомощным состоянием потерпевшей, обусловленным возрастными изменениями, соматическими заболеваниями (ишемическая болезнь сердца, гипертоническая болезнь, атеросклероз сосудов, дисциркуляторная энцефалопатия), ограниченными физическими возможностями и неспособностью оказать сопротивление. Сын постоянно предлагал матери выпрыгнуть из окна. Не выдержав насилия, жестокого обращения, угроз, потерпевшая нанесла себе не менее четырёх порезов на предплечье левой руки, однако осужденный оказал ей помощь, и смерть от обильной кровопотери не наступила.

Экспертиза выявила у потерпевшей достаточный уровень интеллектуального развития, нерезко выраженные колебания продуктивности памяти и мышления. В личностной сфере обнаружены изоляционистские установки, отгороженность от окружающих, нерешительность, выраженная ригидность представлений, трудности в гибком, адаптивном поведении, особенно в нестандартных условиях. Признаки дисбаланса аффективной сферы проявились в высоком уровне тревожности и чувствительности к негативным средовым воздействиям, лабильности эмоций. В результате произошли фиксация на собственных негативных переживаниях, их накопление. Перед совершением попытки суицида эмоционально нестабильное состояние потерпевшей стало кризисным, суицидоопасным. Триггером такого состояния стало восприятие собственного состояния как безысходного на фоне выраженного дистресса и высокотравматичных переживаний. Накопление негативных эмоций вылилось в формирование суицидальных мыслей и намерений.

Суицид вследствие невыносимых условий службы

Руководитель следственного отделения создала невыносимые условия службы для своей подчинённой: исключительно отрицательно оценивала профессиональные качества, обвиняла в нежелании работать, критически оценивала внешний вид, высказывала сомнения в достоверности листка временной нетрудоспособности, вложила в уголовное дело записки со словами «в голове опилки», «пустую голову», чаще, чем других, ставила в суточные дежурства, инициировала 5 служебных проверок, угрожала увольнением по отрицательным мотивам. В результате в утренние часы потерпевшая, находясь в своём служебном кабинете, причинила себе огнестрельное ранение головы, выстрелив в себя из пистолета. Смерть наступила на месте происшествия. На столе было обнаружено обращение потерпевшей в Следственный комитет России с обвинениями в своей смерти в адрес осужденной.

Посмертная судебная комплексная психолого-психиатрическая экспертиза отметила такие черты личности потерпевшей, как высокая общительность, отзывчивость, открытость, энергичность, ответственность и безотказность в работе, дисциплинированность, рациональное и спокойное отношение к жизни, избегание конфликтов, высокий уровень эмпатии, выраженная направленность на реализацию социально значимых целей, упорство и настойчивость в сочетании с повышенной конформностью.

Изменение фона в настроении с позитивного на негативный произошло в ходе прохождения службы и неадекватного управления со стороны руководителя (нецензурная брань, повышенный тон, угрозы профессионального уничтожения, необоснованный контроль, систематическое лишение сна и отдыха). На фоне непрекращающегося давления и отсутствия профилактических мер у потерпевшей произошло нарастание заторможенности, усталости, пассивности, фиксации на собственных проблемах. В дальнейшем наступило психофизиологическое переутомление, подавленность, чувство безнадёжности, безвыходности, непереносимости существующей ситуации. В предшествующий суициду период состояние потерпевшей характеризовалось как выраженный стресс, возникший по типу «последней капли», сознание было сужено, способность видеть жизнеспособные варианты интеллектуально ослабла, нарастали переживания по поводу полного крушения планов и надежд. Всё

это сформировало у женщины суицидальные намерения с целью положить конец страданиям и наказать причинителя страданий.

Обсуждение

Как видим, основные случаи доведения до самоубийства связаны с домашним насилием, совершаемым в отношении заведомо более слабого субъекта: женщины, ребёнка, пожилого человека. Кроме того, имеет место суицидальное поведение потерпевших от корыстных преступлений (вымогательство, мошенничество), а также подчиненных по службе вследствие унижающих человеческое достоинство действий руководства.

Психотравмирующая ситуация в семье, на работе (службе) носит длительный, системный характер. Суицидальное поведение в этой ситуации рассматривается потерпевшим как единственный способ её разрешения и прекращения страданий. Оно также имеют целью привлечение внимания к действиям лица, виновного в страдании потерпевшего, иногда – возмездия за причинённые страдания.

У жертв корыстных преступлений стрессовая ситуация, напротив, возникает спонтанно: потеря средств к существованию, невозможность выполнить требования вымогателей в очень короткий срок разрушают механизмы адаптации, резко активизируют симптомы депрессии и тревоги, сокращают период трансформации суицидальных намерений в их реализацию.

В основе суицидального поведения, обусловленного внешним психотравмирующим воздействием, как и при «обычном» суицидальном поведении, могут быть клинические факторы – как правило, психическое расстройство в форме смешанной тревожной и депрессивной реакции, обусловленной расстройством адаптации (по МКБ 10 – F43.22). Наблюдаются и традиционные личностно-психологические детерминанты в виде низкой стрессоустойчивости, принципиальности и целеустремленности вплоть до максимализма в сочетании с повышенной тревожностью, глубоким переживанием неудач [14].

Ни в одном из изученных случаев не выявлено предрасположенности к суициду [16]. У всех потерпевших была обнаружена склонность к изоляционизму, что, очевидно, препятствовало им в стрессовой ситуации обратиться за помощью. Однако эксперты отмечали, что личностно-психологические черты, присущие потерпевшим изначально, не повлияли на принятие суицидального решения. Для доведения до самоубийства характерно систематическое, непрекращающееся, часто многолетнее психотравмирующее воздействие, препятствующее объективной оценке ситуации, обращению за психологической помощью [15]. Психотравмирующее воздействие вымогателей и мошенников обычно более скоротечно, но имеет крайне высокую интенсивность, способствующую молниеносному развитию стрессовой ситуации и её суицидальному разрешению из-за субъективно ощущаемой невозможности прекратить преступные действия вымогателей либо из-за осознания последствий совершённого путём обмана хищения. Скрытность потерпевших, погружение в возникшие проблемы сочетались с равнодушием окружающих, отсутствием реальной поддержки со стороны родственников, коллег по работе.

Детский суицид, обусловленный преступным поведением взрослых, как правило, носит аффективный характер, решение принимается импульсивно, без явных предвестников, в нём сочетается самопожертвование и желание сочувствия к себе, которое было крайне необходимо, но отсутствовало при жизни.

Заключение

Длительное либо краткосрочное, но крайне интенсивное психотравмирующее воздействие – основной триггер суицидального решения, принятого вследствие преступного доведения до самоубийства. Не выявлено какой-либо взаимосвязи поступков жертв этого преступления с информацией, распространяемой через Интернет, хотя это и было одним из основных доводов защиты осужденных по ст. 110 УК РФ. Не установлено также взаимосвязи между реализацией суицидального намерения и состоянием алкогольного опьянения, в котором находилась часть потерпевших. Очевидно, эта взаимосвязь требует дальнейшего изучения. В случаях детского суицида, несмотря на длительную психотравмирующую ситуацию, физическое насилие в отношении детей, заметные окружающим, обращает на себя внимание бездействие работников образовательных учреждений и органов опеки и попечительства. Не изучена взаимосвязь мошеннических действий и суицидального поведения жертв мошенников, особенно телефонных, соответственно, мошен-

ничество, повлекшее не только материальный ущерб, но и самоубийство потерпевшего, не квалифицируются по совокупности преступлений как хищение и доведение до самоубийства. В целом детальному изучению патогенеза суицидального поведения, обусловленного насилием, жестоким обращением, препятствует латентный (скрытный) характер таких действий, позволяющий лицам, виновным в доведении до самоубийства, избежать уголовной ответственности, несмотря на тяжёлые последствия содеянного.

DRIVE TO SUICIDE: FEATURES OF PSYCHOTRAUMATIC IMPACT, FORMATION AND REALIZATION OF SUICIDAL INTENTION

M.S. Mateykovich[1,2], E.A. Mateykovich[3,4,5], S.P. Sakharov[3,6], V.A. Polyakova[3], A.M. Suldin[3], E.A. Shumeiko[3], M.F. Kaurova[3]

[1]The Second Cassation Court of General Jurisdiction, Moscow, Russia
[2]Tyumen State University, Tyumen, Russia
[3]Tyumen State Medical University
[4]Maternity Hospital No. 3, Tyumen, Russia
[5]Perinatal Center, Tyumen, Russia
[6]Regional Clinical Hospital № 1, Tyumen, Russia

Abstract:

Intentional deprivation of one's own life, or suicide, is an act condemned by morality and clearly not encouraged by the state and society. The reasons for suicide vary, but all world religions unequivocally condemn suicide, believing that no motives can justify this deeply immoral, ungodly act. At the same time, persons who have exerted mental and physical coercion to suicide, in other words, who have driven someone to suicide, are condemned not only by morality, but also bear criminal liability as having committed a crime against life. In Russia, driving to suicide has been criminalized since 1845, and remained so for almost the entire Soviet period. The reasons for suicide vary. The determinants of suicidal behavior include biological (genetic), clinical (mental illness), and personality-psychological (low stress resistance, maximalism, impulsiveness, etc.) factors. The role of external factors has been little studied. The article analyzes the most typical cases that formed the basis of criminal cases on incitement to suicide, and subsequently - court sentences. *The aim of the study* is to study the suicidal characteristics of victims of crimes provided for in Article 110 of the Criminal Code of the Russian Federation "Incitement to Suicide". *Materials and methods*: the study examined 15 court decisions posted in open official sources (State Automated System "Justice"), which allow analyzing the mental state of the victim, personal data, and the characteristics of the traumatic, physical impact classified as incitement to suicide based on the expert opinions contained therein. The decisions were selected by random sampling. The victim's medical history was collected based on the information provided in the expert opinions of the experts who conducted the forensic psychological and psychiatric examination. Statistical processing of the material on the criminal record under Article 110 of the Criminal Code of the Russian Federation was performed using the SPSS program. *Results and discussion*. According to the Judicial Department under the Supreme Court of the Russian Federation, sentences for incitement to suicide are generally isolated across the country and are significantly inferior in number to other crimes against life and health. The main cases of incitement to suicide are related to domestic violence committed against a clearly weaker subject: a woman, a child, an elderly person. In addition, there is suicidal behavior of victims of acquisitive crimes (extortion, fraud), subordinates due to the degrading actions of the management. A psychotraumatic situation in the family, at work (service) is long-term, systemic. Suicidal behavior in this situation is considered by the victim as the only way to resolve it and stop suffering. It also aims to draw attention to the actions of the person guilty of the suffering of the victim, sometimes - retribution for the suffering caused. In victims of acquisitive crimes, on the contrary, the stressful situation arises spontaneously. *Conclusions*. Long-term or short-term, but extremely intense psychotraumatic impact is the main trigger for a suicidal decision made as a result of criminal incitement to suicide. In general, a detailed study of the pathogenesis of suicidal behavior caused by violence and abuse is hampered by the latent (secret) nature of such actions, which allows those guilty of driving someone to suicide to avoid criminal liability, despite the grave consequences of their actions.

Keywords: suicide, incitement to suicide, psychotraumatic impact, violence, humiliation of human dignity, mental disorder

The deliberate deprivation of one's own life, or suicide (from the Latin suicid; sui – oneself, caedere – to kill) is an action condemned by morality and clearly not encouraged by the state and society. The most famous biblical suicide is Judas, whose life ended in vile betrayal, despair and self-hanging (Matthew 27:5).

According to WHO, 25 countries (out of 192) still provide for criminal liability (from a fine to life imprisonment) for attempted suicide [1].

The reasons for suicide vary [2], but all world religions unequivocally condemn suicide, believing that no motives (including external influence in the form of humiliation of human dignity, cruel treatment, etc.) can justify this deeply immoral, ungodly act. At the same time, persons who exerted mental and physical coercion to suicide, in other words, drove to suicide, are condemned not only by morality, but also bear criminal liability as having committed a crime against life. It is believed that in Russia, driving to suicide has been criminalized since 1845, remained so for almost the entire Soviet period [3], and has not ceased to be prosecuted in criminal proceedings at the present time (Arti-

cle 110 of the Criminal Code of the Russian Federation, hereinafter referred to as the Criminal Code of the Russian Federation). Legal literature clearly indicates the high social danger, inhumanity, baseness, treachery, and extreme immorality of this crime [4].

According to the WHO, suicide takes more than 720,000 lives worldwide every year. It is the third leading cause of death among young people (aged 15 to 29) [5]. The latest indicators published by the WHO show that in 2019, suicide mortality in Russia was one of the highest in the world (25.1 cases per 100,000 population), while in 2000 this figure was 53.8, that is, there has been a more than twofold decrease in almost 20 years [6]. The WHO estimate differs significantly from the official data of Rosstat, according to which suicide mortality in the Russian Federation in 2019 was 11.6 per 100,000 population, in 2020 – 11.3, in 2021 – 10.7, in 2022 – 9.2 [7].

In any case, suicide statistics show their high share in the mortality structure, many times exceeding the mortality from murders, exceeding the mortality from road accidents [8]. Suicides have an extremely negative impact on the demographic situation, which necessitates measures to reduce their number, including by influencing the causes of suicidal behavior [9]. It is estimated that suicides increase the gap between mortality and birth rates by approximately 15% [10]. The share of suicide in the mortality structure of young people is especially high, where suicides are the second cause of death among people aged 15 to 29 years. There is a tendency for the number of suicides to increase among adolescents aged 15 to 19 years [11]. Geographically, among Russian territories, the leaders in the number of suicides are Siberia and the Far East [10]. Mortality from suicide in rural areas is twice as high as in the urban population. The indigenous peoples of the North, including the Tyumen region – the Nenets and Selkups – are in the zone of high suicide risk [12].

Determinants of suicidal behavior include biological (gene mutation) [13], clinical (mental illness) and personality-psychological (low stress resistance, maximalism, impulsiveness, etc.) factors [14]. The role of the external factor – the initiating subject who uses threats, shows cruelty, systematically humiliates human dignity to incite suicide – has been little studied. It is believed that the attacker affects the human psyche [15], but the same actions that push to suicide cause different reactions: some remain resistant to them, some make a tragic decision. Therefore, victims of such actions, apparently, have a predisposition to suicide of personality-psychological or clinical genesis [16].

The Internet and social networks, which portray suicide in a favorable light and facilitate the bullying of potential suicides, mask and anonymize the actions of perpetrators [17, 18]. Excessive involvement in Internet communication, especially in adolescence, increases the psychological vulnerability of victims of bullying, blackmail, attacks on sexual freedom and sexual invio-

lability, and often acts as a trigger for tragic clinical and psychological reactions to destructive actions committed in the digital environment [19].

This work does not claim to be universal and comprehensive in studying the correlation between actions classified by Russian law enforcement as incitement to suicide and the clinical and psychological characteristics of their victims. There is not enough contingent for a full-scale clinical study, and a full-fledged publication base for writing a review. We will analyze the most typical cases that formed the basis of criminal cases and, subsequently, court sentences.

The aim of the study is to examine suicidal characteristics of victims of crimes under Article 110 of the Criminal Code of the Russian Federation “Incitement to suicide”.

Materials and methods

During the study, 15 court decisions were examined, posted in open official sources (State Automated System "Justice"), which allow us to analyze, based on the expert opinions presented in them, the mental state of the victim, data on his personality, the characteristics of the psychotraumatic, physical impact, qualified as incitement to suicide.

The solutions were selected by random sampling. By logical analysis from the description of the criminal act, the event during which coercion to suicide was carried out was established. The anamnesis of the victim was collected based on the information provided in the expert opinion that conducted the forensic psychological and psychiatric examination. The cases were compared with each other. After the comparison, they were systematized according to the criterion of the nature of the psychotraumatic impact on the victim of the crime. The construction of the system made it possible to compare with literary sources, conduct a discussion, and formulate conclusions.

Statistical processing of the material on the status of conviction under Article 110 of the Criminal Code of the Russian Federation was carried out using the SPSS program based on information posted on the official website of the Judicial Department under the Supreme Court of the Russian Federation on the Internet.

Results

According to the Judicial Department of the Supreme Court of the Russian Federation, sentences for incitement to suicide or attempted suicide by threats, cruel treatment or systematic humiliation of the human dignity of the victim (Article 110 of the Criminal Code of the Russian Federation) are generally isolated throughout the country and are significantly inferior in number to other crimes against life and health.

As we can see, after a significant decrease in the frequency of this crime in 2020, when restrictions related to the COVID-19 pandemic were widely applied, including in the work of the courts, an increase has been noted since 2021, and in 2024 the number of convictions was comparable to the 2019 record.

Table 1

Statistics of convictions under Article 110 of the Criminal Code of the Russian Federation (2018-2024)

Year	2018	2019	2020	2021	2022	2023	2024
Part 1	17	16	8	10	10	13	4
Part 2	2	11	2	6	6	11	15
Total:	19	27	10	16	16	24	19

Note: Part 1 of the article provides for punishment for driving a person to suicide or an attempted suicide by means of threats, cruel treatment or systematic humiliation of human dignity. Part 2 of the article establishes punishment for the same act committed under certain circumstances: against a minor or a person who is obviously in a helpless state or in material or other dependence on the perpetrator; against a woman who is obviously pregnant; against two or more persons; by a group of persons by prior conspiracy or an organized group; in a public speech, a publicly displayed work, the media or information and telecommunications networks (including the Internet).

The frequency of convictions for incitement to suicide or attempted suicide under aggravating circumstances (against a minor, a helpless person, a pregnant woman, two or more persons, etc. – Part 2 of Article 110 of the Criminal Code of the Russian Federation) remains high; compared to 2018, the number of convicted persons has increased by 7.5 times. Below are the most typical cases in terms of motives, the pattern of the crime, the social and psychological-clinical characteristics of the victims.

Suicide due to extortion

The victim, a man, became an object of extortion. The convicts, under a fictitious pretext, which is often encountered in the criminal environment (the victim of extortion disseminating information about a mutual acquaintance as a user or distributor of drugs, as a person with a non-traditional sexual orientation, as a fraudster who does not repay a debt, etc.), demanded that the victim hand over 160,000 rubles, threatening reprisals, backed up by a beating at the scene of the crime. Having received the required amount, the criminals began to make claims to the victim over the phone about the fact that the extortion had become known to strangers, and demanded that he come to a specified location under threat of physical violence. The victim perceived the threat as real. Considering his situation hopeless, he decided to commit suicide and was found hanging from a tow rope in a forest belt.

The victim felt hopeless because of the extortionists' actions: having received 60,000 rubles as a result of their criminal demand, they demanded another 100,000 rubles, promising that after that all "claims" would be withdrawn. After transferring the first amount, which turned out to be insufficient, having collected a new "compensation" with great difficulty, the victim was frightened, emotionally depressed, and hoped that now the situation would be resolved and they would stop persecuting him. Instead of contacting the police, the victim's relatives contacted a stranger who promised to stop the extortion. This became a pretext for a new demand, accompanied by threats, for the victim to transfer another 100,000 rubles. People who communicated with the man shortly before his death observed his isolation, fear, panic, irritability, sleep problems, and a desire to move to another city, although before the extortion he was a sociable, cheerful, well-off person, did not conflict with his wife, did not smoke or use drugs, did not abuse alcohol, and made plans for the future. Neither acquaintances nor relatives observed mental disorders in the victim. During a forensic chemical examination, ethyl alcohol was found in the blood of the corpse at a concentration of 2.85‰, according to the expert's conclusion, such alcohol intoxication in a living person is characterized as strong.

The expert commission conducting the forensic psychological and psychiatric examination based on copies of the case materials came to the conclusion that the victim showed no signs of mental disorder before the extortion. He perceived the actions of the extortionists, who used physical violence, as a real threat to his life, safety, and health. As a result of repeated psychotraumatic stress effects, the victim developed a mental disorder in the form of a mixed anxiety and depressive reaction caused by an adaptation disorder (according to ICD 10 – F43.22). Exceptional psychotraumatic effects caused the man to have an uncharacteristic mental state for him, accompanied by symptoms of anxiety and depression, which fluctuated as the subjective feeling that the threat had passed, and intensified to an even greater extent as the noted repeated psychotraumatic factors resumed, increasingly exhausting the adaptive capabilities of the body. The progressively increasing feeling of anxiety, "panic", decreased self-confidence, a feeling of hopelessness about one's situation, a gloomy and pessimistic vision of the future, sleep and appetite disturbances, and decreased energy potential could have all contributed to the decision to commit suicide. The alcohol intoxication revealed in the victim, according to one of the experts questioned at the court hearing, did not affect the situation.

Domestic Violence – A Path to Suicide

The victim was subjected to systematic beatings and other violent actions by her cohabitant based on jealousy, personal hostility and hatred. The description of the torture inflicted on the woman includes 17 episodes of brutal beatings: kicks, punches on the back, legs, head – with hands, shod feet, a stick, a glass bottle, a crowbar, a wooden bat, a metal stick, a mobile phone,

a knife. The torturer committed his actions in the presence of young children, forced the mother to say goodbye to them, ignored the pregnancy of the victim. Due to the accumulation of negative experiences and emotions caused by the fear of physical violence and beatings, being in a state of hopelessness, the woman twice attempted to commit suicide, wrote a suicide note. The first time, the rope tied to the chandelier broke under the weight of her body. The second time, her cohabitant pulled her out of the noose, after which he continued the torture.

The commission of experts who conducted a comprehensive psychological and psychiatric examination established that the victim had a moderate mental disorder in the form of alcohol dependence syndrome and a personality disorder caused by alcohol consumption. The latter occurred during the period of the cohabitant's illegal actions, but it was not accompanied by clouding of consciousness, hallucinatory-delusional symptoms, or pronounced emotional-volitional disorders. Individual psychological characteristics of the woman: high demands on her own personality, egocentric instability, anxiety, personal passivity, increased emotionality, impressionability.

Before hanging herself, the victim showed a certain lack of adaptive capabilities, anxiety and fear, caused by negative experiences due to the actions of the torturer. Against this background, the woman began to pessimistically assess the prospects and projections of the future, her personal passivity worsened, and the driven behavior, on the contrary, was activated and the demand of the cohabitant to hang herself was perceived as the only way out of the current subjectively difficult to resolve situation.

Unlike his victim, the criminal did not suffer from any mental disorder, he did not have alcohol or psychoactive substance addiction syndrome. He was perfectly aware of the actual nature and social danger of his actions, and could control them. At the same time, he had individual psychological characteristics: a desire for self-affirmation, self-excitement, conflict, impulsiveness, self-will, a tendency to protest behavior, and egocentrism.

A similar relationship between a husband and wife led to suicide by another woman. For many years, the convicted man systematically hit the victim with his hands, feet, various objects on the head, caused physical pain and bodily harm, insulted and threatened her, including in the presence of loved ones. Artificially creating a traumatic situation, the man suggested resolving it by his wife committing suicide. The tragic situation for the woman, caused by the loss of pregnancy at 18 weeks 6 days due to illness, was used by the convicted man to increase the severity of the traumatic impact: he insulted her, accused the victim of being unable to bear and give birth to a child, blamed her for the loss of the fetus, openly demonstrated his relationship with another woman and suggested the only way out of the current life situation – committing suicide, after which he left the apartment. As a result of prolonged physical and moral suffering, the victim committed suicide by hanging.

The posthumous comprehensive psychological and psychiatric examination revealed that personal and family stress became the implementing factor (determinants of the 3rd rank) of the transition of the suicidal process to the final stage. The developed depression blocked the protective factors: support of loved ones, participation in the life of society, constructive leisure, an attempt to receive medical assistance in the field of mental health. The aggravating factors for frustration were physical superiority and emotional violence, counteraction to which (including divorce) did not bring results. The suicidal process developed gradually: passive suicidal thoughts arose at the first stage of suicidogenesis; At the second stage, suicidal intentions were actively supported by the convict's provocative calls ("if you don't like something, go and hang yourself"), at the third stage, a volitional component joined the intentions – extreme emotional tension led to a partial narrowing of consciousness, affectively, a motivation arose to eliminate the personally intolerable situation. There was a fixation of consciousness exclusively on the cessation of the psychotraumatic situation with a limitation of ideas about other ways to resolve the situation. This is how the decision to commit suicide was made.

At the moment preceding death, the subject exhibited an adaptation disorder in the form of a prolonged depressive reaction (symptoms of isolation, low mood, vulnerability, fear, anxiety, self-doubt, decreased interest in work, low self-esteem, concentration of attention around a traumatic situation), which ended in suicide (self-hanging) F43.2, which was caused by a nearly five-year traumatic situation.

The psychologist identified the following individual psychological characteristics of the victim: secrecy, isolation, determination, tendency to deeply experience failures. Social attitudes were immature, ideas about others were infantile, idealized. Increased social expectations were combined with honesty, integrity, trust, increased demands on oneself, hard work, conscientiousness, responsiveness, a high sense of responsibility. The victim had a strong desire to become a mother. Due to her husband's actions, all idealized ideas about the surrounding reality were destroyed, the purpose in life was lost, disappointment set in. Constant psychotraumatic influence prevented overcoming the psychological crisis, finding constructive ways out of it.

A forensic chemical analysis of the victim's blood showed the presence of ethyl alcohol at a concentration of 2.8‰.

The convict was not found to have any mental illnesses.

Other studied cases of suicidal behavior against the background of a long-term psychotraumatic intra-family situation demonstrated a generally similar picture of the development of events and a similar psycho-emotional state of the victims (exclusively women).

Child abuse leads to tragedy

Two minors were subjected to cruel treatment by their father and stepmother. Adults forbade the girls to see their biological mother, close friends, the children suffered constant abuse and criticism, violence and threats, humiliation of human dignity, were deprived of attention in comparison with other (relative to both adults) children. Due to poor nutrition (once a day), the girls were diagnosed with underweight. Under the influence of threats from adults, one of the minors decided to stop physical and suffering by committing suicide. Taking her underage sister with her, she entered an abandoned barn, where she put a noose on herself and her sister. The underage sister, not wanting to die, took off the noose, and the older girl eventually committed suicide by hanging herself.

According to the conclusion of the forensic posthumous psychological and psychiatric examination, the victim did not suffer from a mental disorder either during her life or in the period preceding the suicide. Her behavior was affected by individual psychological characteristics: kindness, non-conflict, diligence, sociability, balance, responsiveness, reluctance to protest), but these character traits did not have a significant impact on the suicidal decision. Immediately before the suicide, the psychological state of the victim was assessed as a crisis. A long-term psychotraumatic situation, lack of help from adults, rejection, a combination of excessive demands and lack of care caused a feeling of hopelessness, despair, exhaustion of compensatory resources, which was realized in autoaggressive suicidal actions of the affective suicide type. Experts pointed to the depth and severity of the minor's experiences, as evidenced by the tactic of "extended suicide", caused by the desire to protect not only herself, but also her younger sister as the closest person, from suffering.

A mother driving her own child to suicide

As the court established, the mother's hostility towards her minor daughter lasted for 10 years: all this time the child suffered cruel treatment, threats, and humiliation of human dignity. During this period, the mother, under the pretext of poor performance of housework, insulted her daughter, including with obscene language, hit her on the head, expressed death wishes, promised to kick her out of the house and, at the same time, actually kicked her out into the street, into the cold, and promised to send her to an orphanage. She was not stopped by the presence of another minor child, a teacher at the lyceum. One day, the woman kicked her daughter out into the street to spend the night in a barn, where she was forced to sleep on boards laid on the ground. As a result of these criminal acts, the minor committed suicide by hanging herself with plastic twine.

The expert commission came to the conclusion that the suicide was affective in nature. This is evidenced by the severity and intensity of internal emotional experiences (cumulation, accumulation), the prevalence of them. The decision was made impulsively, so no one noticed the harbingers of future suicide, no suicidal notes were found. Self-sacrifice was the motive for suicide, aimed at solving intra-family problems, forming posthumous sympathy for oneself, drawing attention to the behavior of the mother. Despite the fact that the girl did not suffer from dementia, chronic mental disorder, or other painful mental state during her life, her emotional state was affected by a long stay in a socially unfavorable environment, negative influence from her mother. Signs of psychoemotional distress in her manifested themselves in the form of a state of acute frustration (disappointment in life, hopelessness), which led to autoaggressive (autodestructive) behavior and the implementation of its extreme form – suicide.

The mother of the minor, guilty of realizing her daughter's suicidal intentions, did not suffer from any mental disorder, was fully aware of her actions and controlled them.

Driving an elderly woman to attempt suicide

The convicted man had a personal dislike for his mother, systematically hitting her on the head and face, pulling her hair, insulting her, using foul language, threatening to cut off her head and gouge out her eyes. The court found that his motive for his actions was a sense of revenge for being held criminally liable for previously committed crimes. The situation was aggravated by the helpless state of the victim, caused by age-related changes, somatic diseases (ischemic heart disease, hypertension, vascular atherosclerosis, cerebrovascular insufficiency), limited physical abilities and the inability to resist. The son constantly suggested that his mother jump out of the window. Unable to withstand the violence, cruel treatment and threats, the victim inflicted at least four cuts on her left forearm, but the convicted man provided her with assistance, and death from profuse blood loss did not occur.

The examination revealed that the victim had a sufficient level of intellectual development, mild fluctuations in the productivity of memory and thinking. In the personal sphere, isolationist attitudes, isolation from others, indecisiveness, pronounced rigidity of ideas, difficulties in flexible, adaptive behavior, especially in non-standard conditions were found. Signs of imbalance in the affective sphere were manifested in a high level of anxiety and sensitivity to negative environmental influences, lability of emotions. As a result, there was a fixation on her own negative experiences, their accumulation. Before the suicide attempt, the emotionally unstable state of the victim became criti-

cal, suicidal. The trigger for this state was the perception of her own condition as hopeless against the background of pronounced distress and highly traumatic experiences. The accumulation of negative emotions resulted in the formation of suicidal thoughts and intentions.

Suicide due to unbearable service conditions

The head of the investigative department created unbearable working conditions for her subordinate: she exclusively negatively assessed her professional qualities, accused her of unwillingness to work, critically assessed her appearance, expressed doubts about the authenticity of the certificate of temporary incapacity for work, put notes with the words "sawdust in her head", "empty head" in the criminal case, put her on daily duty more often than others, initiated 5 service checks, threatened dismissal for negative reasons. As a result, in the morning hours, the victim, while in her office, inflicted a gunshot wound to her head by shooting herself with a pistol. Death occurred at the scene of the incident. On the table, an appeal from the victim to the Investigative Committee of Russia was found with accusations of her death against the convicted person.

The posthumous forensic complex psychological and psychiatric examination noted the following personality traits of the victim: high sociability, responsiveness, openness, energy, responsibility and reliability in work, discipline, rational and calm attitude to life, avoidance of conflicts, high level of empathy, pronounced focus on the implementation of socially significant goals, persistence and perseverance combined with increased conformity.

The mood changed from positive to negative during her service and inadequate management by her superior (obscene language, raised voice, threats of professional destruction, unjustified control, systematic deprivation of sleep and rest). Against the background of incessant pressure and lack of preventive measures, the victim experienced an increase in inhibition, fatigue, passivity, and fixation on her own problems. This was followed by psychophysiological fatigue, depression, a feeling of hopelessness, hopelessness, and intolerance of the current situation. In the period preceding the suicide, the victim's condition was characterized as severe stress, which arose as a "last straw", consciousness was narrowed, the ability to see viable options was intellectually weakened, and experiences about the complete collapse of plans and hopes grew. All this formed suicidal intentions in the woman in order to put an end to suffering and punish the inflictor of suffering.

Discussion

As we can see, the main cases of incitement to suicide are related to domestic violence committed against a clearly weaker subject: a woman, a child, an elderly person. In addition, there is suicidal behavior of victims of mercenary crimes (extortion, fraud), as well as subordinates due to the degrading actions of management.

A traumatic situation in the family, at work (service) is long-term and systemic. Suicidal behavior in this situation is considered by the victim as the only way to resolve it and stop suffering. It also aims to draw attention to the actions of the person guilty of the suffering of the victim, sometimes – retribution for the suffering caused.

In victims of acquisitive crimes, on the contrary, a stressful situation arises spontaneously: the loss of livelihood, the inability to fulfill the demands of extortionists in a very short time destroy adaptation mechanisms, sharply activate symptoms of depression and anxiety, and shorten the period of transformation of suicidal intentions into their implementation.

The basis of suicidal behavior caused by external psychotraumatic influence, as with “ordinary” suicidal behavior, may be clinical factors – as a rule, a mental disorder in the form of a mixed anxiety and depressive reaction caused by an adaptation disorder (according to ICD 10 – F43.22). Traditional personality-psychological determinants are also observed in the form of low stress resistance, integrity and determination up to maximalism in combination with increased anxiety, a deep experience of failure [14].

In none of the studied cases was a predisposition to suicide revealed [16]. All victims were found to have a tendency towards isolationism, which obviously prevented them from seeking help in a stressful situation. However, experts noted that the personal and psychological traits inherent in the victims initially did not influence the adoption of a suicidal decision. Suicide is driven by systematic, continuous, often long-term psychotraumatic influence, which prevents an objective assessment of the situation and seeking psychological help [15]. The psychotraumatic influence of extortionists and fraudsters is usually more fleeting, but has an extremely high intensity, contributing to the lightning-fast development of a stressful situation and its suicidal resolution due to the subjectively felt impossibility of stopping the criminal actions of extortionists or due to the awareness of the consequences of theft committed by deception. The secrecy of the victims and their immersion in the problems that had arisen were combined with the indifference of those around them and the lack of real support from relatives and work colleagues.

Child suicide, caused by the criminal behavior of adults, is usually affective in nature, the decision is made impulsively, without obvious precursors, it combines self-sacrifice and the desire for compassion for oneself, which was extremely necessary, but was absent during life.

Conclusion

Long-term or short-term, but extremely intense psychotraumatic impact is the main trigger of a suicid-

al decision taken as a result of criminal incitement to suicide. No connection has been found between the actions of the victims of this crime and the information disseminated via the Internet, although this was one of the main arguments in the defense of those convicted under Article 110 of the Criminal Code of the Russian Federation. No connection has been established between the implementation of suicidal intent and the state of alcoholic intoxication in which some of the victims were. Obviously, this connection requires further study. In cases of child suicide, despite a long-term psychotraumatic situation, physical violence against children, noticeable to others, the inaction of employees of educational institutions and guardianship and trusteeship authorities draws attention to itself. The relationship between fraudulent actions and suicidal behavior of victims of fraudsters, especially telephone ones, has not been studied; accordingly, fraud that has resulted not only in material damage but also in the suicide of the victim is not classified as a combination of crimes as theft and incitement to suicide. In general, a detailed study of the pathogenesis of suicidal behavior caused by violence and cruel treatment is hampered by the latent (secret) nature of such actions, which allows persons guilty of incitement to suicide to avoid criminal liability, despite the grave consequences of the act.

Литература / References:

1. Preventing suicide: a global imperative. Geneva: World Health Organization, 2014. 97 p.
2. Saini P, Hunt A, Blaney P, Murray A. Recognising and responding to suicide-risk factors in primary care: a scoping review. *J Prev*. 2024 Oct; 45 (5): 727-750. DOI: 10.1007/s10935-024-00783-1
3. Пионтковский А.А. Уголовное право. Особенная часть. Преступления против личности. М.: Юрид. изд-во НКЮ СССР, 1938. 135 с. [Piontkovsky AA. Criminal law. Special part. Crimes against the person. Moscow: Legal publishing house of the People's Commissariat of Justice of the USSR, 1938. 135 p.] (In Russ)
4. Хатуев В.Б. Уголовная ответственность за доведение до самоубийства или до покушения на самоубийство по законодательству зарубежных государств. *Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения.* 2021; 17 (3): 50-69. [Khatuev VB. Criminal liability for incitement to suicide or attempted suicide under the laws of foreign states. *Journal of Foreign Legislation and Comparative Law*. 2021; 17 (3): 50-69.] (In Russ) DOI: 10.12737/jflcl.2021.029
5. ВОЗ. Самоубийство. Информационный бюллетень от 25 марта 2025 года. (дата обращения: 16.04.2025) [WHO. Suicide. Fact sheet of 25 March 2025. (date of access: 16.04.2025)] https://www.who.int/ru/news-room/fact-sheets/detail/suicide (In Russ / Engl)
6. ВОЗ. Коэффициент смертности от самоубийств (на 100 000 населения). Официальная оценка. Обновлено 8 января 2024 г. (дата обращения: 16.04.2025). [WHO. Suicide mortality rate (per 100 000 population). Official estimate updated 8 January 2024 (date of access: 16.04.2025)] https://data.who.int/indicators/i/F08B4FD/16BBF41 (In Russ / Engl)
7. Росстат. Всемирный день предотвращения самоубийств. Опубликовано 12 сентября 2023 года (дата обращения: 16.01.2025). [Rosstat. World Suicide Prevention Day. Published on September 12, 2023. (accessed: 16.01.2025)] https://39.rosstat.gov.ru/statistical_news/document/217197 (In Russ)
8. Spiro R. Toward a psychoanalytic approach to suicidality. *Psychoanal Rev*. 2025 Mar; 112 (1): 67-85. DOI: 10.1521/prev.2025.112.1.67
9. Национальное руководство по суицидологии. Под ред. Б.С. Положего. Москва: МИА, 2019. 600 с. [The National Guide to Suicidology. Edited by BS Polozhy. Moscow: MIA, 2019. 600 p.] (In Russ) ISBN: 978-5-9986-0392-1
10. Положий Б.С., Любов Е.Б. Изучение суицидального поведения в России: проблемы и решения. *Журнал неврологии и психиатрии им. С.С. Корсакова.* 2022;122(8):145–149. [Polozhy BS, Lyubov EB. Exploring suicidal behavior in Russia: problems and solutions. S.S. Korsakov Journal of Neurology and Psychiatry. 2022; 122 (8): 145-149.] (In Russ) DOI: 10.17116/jnevro2022122081145
11. Аксельров М.А., Бохан Н.А., Бухна А.Г. и др. Суицидальные и несуицидальные самоповреждения подростков. Москва: Издательская группа "ГЭОТАР-Медиа", 2023. 472 с. [Akselrov MA, Bokhan NA, Bukhna AG, et al. Suicidal and non-suicidal self-harm of adolescents. Moscow: Publishing Group 'GEOTAR-Media', 2023. 472 c.] ISBN 978-5-9704-7405-1. DOI: 10.33029/9704-7405-1-SNP-2023-1-472. EDN YMCNYZ (In Russ)
12. Положий Б.С. Суицидальная ситуация в современной России / Психическое здоровье человека и общества. Актуальные междисциплинарные проблемы. Научно-практическая конференция (30 октября 2017 г., Москва): Сборник материалов. Под ред. Г.П. Костюка. М.: «КДУ», «Университетская книга», 2018. С. 567-574. [Polozhiy BS. Suicidal situation in modern Russia. Mental health of man and society. Actual interdisciplinary problems. Scientific and practical conference (October 30, 2017, Moscow): Collection of materials. Ed. G.P. Kostyuk. M.: "KDU", "University book", 2018. Pp. 567-574.] (In Russ)
13. Розанов В.А. Генетика суицидальности: какие возможности открывают технологии поиска геномных маркеров? *Девиантология.* 2024; 8 (1): 11-15. [Rozanov V.A. Genetics of suicidality: what opportunities open up with technologies for searching genomic markers? *Deviant Behavior (Russia).* 2024; 8 (1): 11-15.] (In Russ) DOI: 10.32878/devi.24-8-01(14)-11-15
14. Положий Б.С. Интегративная модель суицидального поведения. *Российский психиатрический журнал*. 2010; 4: 55-62. [Polozhy B.S. An integrative model of suicidal behavior. *Russian Psychiatric Journal*. 2010; 4: 55-62.] (In Russ)
15. Сейфетдинов Р. К. Объект и предмет доведения до самоубийства. *Криминологический журнал.* 2022; 3: 154-158. [Seyfetdinov RK. The object and subject matter of incitement to suicide. *Criminological journal.* 2022; 3: 154-158.] (In Russ) DOI: 10.24412/2687-0185-2022-3-154-158
16. Жиров Р.М., Дышекова М.Р. Проблемные вопросы доведения лица до самоубийства. *Закон и право.* 2019; 10: 77-80. [Zhirov RM, Dyshekova MR. Problem issues of the contribution of the person to suicide. *Law and Right*. 2019; 10: 77-80.] (In Russ) DOI: 10.24411/2073-3313-2019-10457
17. Bell J, Mok K, Gardiner E, Pirkis J. Suicide-related internet use among suicidal young people in the UK: characteristics of users, effects of use, and barriers to offline help-seeking. *Archives of Suicide Research*. 2017; 22 (2): 263–277. DOI: 10.1080/13811118.2017.1334609
18. Eichenberg C, Schott M. An empirical analysis of internet message boards for self-harming behavior. *Arch Suicide Res*. 2017 Oct-Dec; 21 (4): 672-686. DOI: 10.1080/13811118.2016.1259597
19. Phillips JG, Diesfeld K, Mann L. Instances of online suicide, the law and potential solutions. *Psychiatr Psychol Law*. 2019. Feb 17; 26 (3): 423-440. DOI: 10.1080/13218719.2018.1506719

Information about the author:

Mateykovich Maxim S. – LD, PhD, Rrofessor (SPIN-код: 3945-2253, ORCID iD: 0000-0003-3113-3191). Place of work and position: Deputy Chairman, the Second Cassation Court of General Jurisdiction. Address: 29 Vereiskaya st., building 34, Moscow, 121357, Russia; Head of the Basic Department of Justice, Professor of the Department of Theoretical and Public Law Disciplines, Tyumen State University. Address: 10 Semakova st., Tyumen, 625003, Russia. Email: matmaxim@yandex.ru

Mateykovich Elena A. – MD, PhD, Associate Professor (SPIN-code: 5864-8031; AuthorID: 744233; ORCID iD: 0000-0002-2612-7339). Place of work and position: Director of the Institute of Motherhood and Childhood of the Tyumen State Medical University. Address: 54 Odesskaya str., Tyumen, Russia, 625023; obstetrician-gynecologist of Maternity hospital № 3. Address: 31 Bauman str., Tyumen, Russia; Perinatal center". Address: 1/8 Daudelnaya str., Tyumen, Russia. Email: mateykovichea@tyumsmu.ru

Sakharov Sergey P. – MD, PhD, Associate Professor (SPIN-code: 9850-0460; ORCID iD: 0000-0003-1737-3906). Place of work and position: Head of the Department of Disaster Medicine, Tyumen State Medical University. Address: 54 Odesskaya str., Tyumen, 625023, Russia. Email: sacharov09@mail.ru

Polyakova Valentina A. – MD, PhD, Professor (SPIN-code: 2611-1120; ORCID iD: 0000-0001-7008-1107). Place of work and position: Head of the Department of Obstetrics and Gynecology, Tyumen State Medical University. Address: 54 Odesskaya str., Tyumen, 625023, Russia. Email: polycova_gyn@mail.ru

Suldin Aleksandr M. – MD, PhD (ORCID iD: 0000-0001-9325-5173). Place of work and position: Professor of the Department of Healthcare Organization, Tyumen State Medical University. Address: 54 Odesskaya str., Tyumen, 625023, Russia. Email: souldine@mail.ru

Shumeiko Elena A. – MD, PhD (SPIN-code: 8299-5186; ORCID iD: 0009-0002-3338-2220). Place of work and position: Assistant Professor of the Department of Mobilization Training of Public Health and Disaster Medicine, Tyumen State Medical University. Address: 54 Odesskaya str., Tyumen, 625023, Russia. Email: shumeiko@tyumsmu.ru

Kaurova Marina F. (ORCID iD: 0009-0003-0164-9725). Place of work and position: Assistant Professor of the Department of Mobilization Training of Public Health and Disaster Medicine, Tyumen State Medical University. Address: 54 Odesskaya str., Tyumen, 625023, Russia. Email: kaurova@tyumsmu.ru

Вклад авторов:

М.С. Матейкович: разработка дизайна исследования, обзор публикаций по теме статьи, написание и редактирование текста рукописи;
Е.А. Матейкович: поиск и отбор публикаций по теме статьи, написание и редактирование текста рукописи;
С.П. Сахаров: поиск и отбор публикаций по теме статьи;
В.А. Полякова: поиск и отбор публикаций по теме статьи;
А.М. Сульдин: редактирование текста рукописи;
Е.А. Шумейко: перевод публикаций по теме статьи;
М.Ф. Каурова: написание резюме, перевод.

Authors' contributions:

M.S. Mateykovich: research design development, review and translation of publications on the topic of the article, writing and editing the text of the manuscript;
E.A. Mateykovich: search and selection of publications on the topic of the article, writing and editing the text of the manuscript;
S.P. Sakharov: search and selection of publications on the topic of the article;
V.A. Polyakova: search and selection of publications on the topic of the article;
A.M. Suldin: editing the text of the manuscript;
E.A. Shumeiko: translation of publications on the subject of the article;
M.F. Kaurova: resume writing, translation.

Финансирование: Данное исследование не имело финансовой поддержки.
Financing: The study was performed without external funding.

Конфликт интересов: Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.
Conflict of interest: The authors declare no conflict of interest.

Статья поступила / Article received: 29.04.2025. Принята к публикации / Accepted for publication: 14.06.2025.

Для цитирования: Матейкович М.С., Матейкович Е.А., Сахаров С.П., Полякова В.А., Сульдин А.М., Шумейко Е.А., Каурова М.Ф. Доведение до самоубийства: особенности психотравмирующего воздействия, формирование и реализация суицидального намерения. *Суицидология.* 2025; 16 (2): 23-39. doi.org/10.32878/suiciderus.25-16-02(59)-23-39

For citation: Mateykovich M.S., Mateykovich E.A., Sakharov S.P., Polyakova V.A., Suldin A.M., Shumeiko E.A., Kaurova M.F. Drive to suicide: features of psychotraumatic impact, formation and realization of suicidal intention. *Suicidology.* 2025; 16 (2): 23-39. (In Russ / Engl) doi.org/10.32878/suiciderus.25-16-02(59)-23-39